

Николай Антропов

Институт языкознания имени Якуба Коласа НАН Беларуси
Минск

ORCID: 0000-0001-6966-572X; e-mail: antropov50@gmail.com

Дифтонгические сочетания модели **telt*: вновь о восточнославянских отражениях

Реферат: Наименее последовательными среди интерконсонантных праславянских дифтонгических сочетаний плавных *o* и *e* были восточнославянские реализации **telt*. Наряду с ожидаемым в соответствии с аналогичным «развертыванием» *полногласия в *tert > teret*, т. е. развитием полногласных сочетаний *telet* с *l* (= *l*), реально существующих, но на общем фоне единичных, возникают регулярные континуанты **telt > tolot* (со своеобразной промежуточной стадией **telt > telot*, обусловленной качеством начального согласного), в которых плавный в результате регрессивной ассимиляции к последующему твёрдому согласному изменился в *l*. Однако в отдельных случаях направление влияния в сочетании **telt* было, судя по всему, прогрессивным: мягкий начальный консонант способствовал сохранению *e* с последующим влиянием на качество *l*, в результате чего возникающий после *l* глайд также был переднерядным, нелабialsным и проявился в гласный полного образования такого же качества. В статье на достаточно репрезентативном материале *доказывается*, что развитие полногласия в восточнославянских языках по модели **telt > telet / telot* является столь же закономерным, как и постулируемый до сих пор в литературе, особенно учебной, переход **telt > tolot*.

Ключевые слова: восточнославянское полногласие, регрессивная/прогрессивная ассимиляция, этимология, диалектография.

Abstract: Diphthongal combinations of the **telt* model: more reflections on the East Slavic languages. Among all inter-consonant Proto-Slavic diphthongal combinations of liquid consonants with *o* and *e*, the East Slavic **telt* was the least consistent. In accordance with a similar “deployment” of pleophony in **tert > teret*, there was an expectation of the development of full-voiced combinations *telet* with *l* (= *l*), which indeed exist as isolated cases in the general background. Regular continuants **telt > tolot* appear (with a rather particular intermediate stage **telt > telot*, caused by the quality of the initial consonant) where a liquid consonant has changed into *l* as a result of regressive assimilation to the subsequent hard consonant. However, it appears that in some cases, the influence in the **telt* combination was progressive: a soft initial consonant contributed to the preservation of *e* with a subsequent influence on the quality of *l*, resulting in a glide that appeared after *l* being front, unrounded and clearing up into a vowel of complete formation of the same quality. Based on representative material, the article proves that, according to the **telt > telet / telot* model, the development of pleophony in East Slavic languages is as natural as the **telt > tolot* transition that has been postulated so far in literature, especially academic literature.

Keywords: East Slavic pleophony, regressive/progressive assimilation, etymology, dialectography.

Полногласие составляет собою не господство гласных над согласными, но их равновесие...
В.А. Максимович

Вынесенная в качестве эпиграфа фраза принадлежит одному из первых¹ исследователей восточнославянского полногласия и, в сущности, удивительным образом объединяет практически все известные теории его образования, которые были выдвинуты за более чем 180 лет, минувших от времени первой публикации работы выдающегося украинского учёного-энциклопедиста в 1839 г. Не будет преувеличением отметить, что именно слоговое «равновесие» в духе по существу пред-младограмматических представлений В.А. Максимовича явилось результатом развития в (пра)восточнославянских диалектах дифтонгических сочетаний с плавными **or*, **ol*, **er*, **el* в интерконсонантных позициях в русле тенденции праславянского языка к открытому слогу.

Как известно, процесс преобразования первых трёх проходил по общей модели, когда появлявшийся в полногласном сочетании второй гласный звук был по качеству идентичен первому, т. е. **tort* > *torot*, **tolt* > *tolot*, **tert* > *teret*². Иная картина наблюдается в развитии сочетания **telt*, где ожидаемое и в определенном смысле естественное *telet* появляется далеко не всегда, а фактически факультативно и как будто бы только тогда, когда первый и последний консонанты слоговой группы **telt* были мягкими (или смягчались перед гласными переднего ряда), ср., например, **s^(l)elz^(l)ena* → **selezena* (> **selezen^ьka*). В большинстве других лексических позиций **telt* развивалось аналогично модели **tolt*, т. е. в группу *tolot*, кроме случаев, когда первый консонант был заднеязычным и в результате первой палатализации преобразовывался в мягкие шипящие *ž*’, *š*’ и аффрикату *č*’, после которых переход *e* > *o* был невозможен³. Таким образом, обобщённо схему развития **telt* можно представить как **telt* > *telet* / *telot* / *tolot*.

Понятно, что феномен «неправильного», как бы незакономерного или, во всяком случае, необычного⁴ развития **telt* в восточнославянских языках был замечен уже первыми исследователями полногласия. Так, на разноречивых реализациях «перемены в русском полногласии еле на оло» обратил внимание уже П.А. Лавровский в постановочной для середины XIX века статье «О русском полногласии», однако связал это изменение с последовательным развитием «в этих случаях ѣ в а», обобщив далее: «Как ни мала масса слов полногласных с *лѣ*, но из неё можно смело делать заключение, что [...] еще в доисторическую пору бóльшая

¹ Он также и автор термина «полногласие» (Скляренко 2007, 516); см. параграф «О полногласии русского языка» в (Максимович 1839), а также несколько более подробно в разделе «Исследование о полногласии» в (Максимович 1848).

² Последующие изменения вокальных элементов этих сочетаний, а именно сужение гласных, аканье / яканье, нулевая редукция и др., обусловлены позднейшими фонетическими процессами в отдельных восточнославянских диалектах и их группах.

³ Разумеется, впоследствии после отвердения аффрикаты и шипящих изменение *e* > *o* стало возможным также в первом слоге полногласного сочетания, ср., например, с одной стороны, др.-рус. *желобъ* (XV ~ XII вв.), а с другой – ст.-укр. и ст.-бел. *жолобъ* (кон. XV и нач. XVI вв.).

⁴ В.И. Шерцль, например, с чувством отмечает, что «*лѣ*, *рѣ* переходят въ *еле*, *ере*, *лѣ* даже в *оло*» (Шерцль 1871, 348).

часть корней этих слов в русском языке изменила *лъ* въ *ла* и уже отсюда образовала полногласное оло» (Лавровский 1858, 208).

А.А. Потебня в монографии «К истории звуков русского языка» проблему полногласия выделил в отдельную большую главу, именно «VII. Первое полногласие (оро = ра и пр.)», где необходимо отметить любопытный пассаж: «Если спросим себя, как еле напр.[имер] в предполагаемом мелеко могло перейти въ молоко, то удовлетворительную аналогию для этого перехода будет очень трудно найти» (Потебня 1876, 160).

Ещё более определенно на эту тему позже высказывался А.А. Шахматов, посвятивший подробному лингвистическому анализу одной из наиболее существенных общих черт восточнославянских языков богатую новыми идеями, насыщенную историческим и диалектным материалом большую статью в двух частях с названием, аналогичным потебнянскому, опубликованную в 1902 г., а в виде монографии годом позже – «К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях» (Шахматов 1903). Именно здесь (в значительной степени под влиянием идей, ранее высказанных Ф.Ф. Фортунатовым) была выдвинута идея особого качества гласного *e* перед плавным *l*, т. е. *el*, который «в общеславянскую эпоху» перешёл в *ö* закрытое с образованием дифтонгических сочетаний *tol*, *tö¹lt* и *čö²lt* (или «*ö¹* перед следующим *e*», см.: Шахматов 1903, 96⁵), чьё развитие и привело к различным результатам восточнославянского полногласия в слоговой группе *telt* предшествующего периода (Шахматов 1902, 307, 360–361). Как раз эта гипотеза явилась обоснованием однозначного и более позднего утверждения, о котором упомянуто выше: «Ошибочно думать, чтобы общеславянскому *el* могло соответствовать в русском языке *el'e*» (Шахматов 1915, 153).

Всё сказанное, конечно, достаточно хорошо известно, однако, во-первых, не является излишним напомнить об идеях предшественников, а во-вторых, в последние годы обнаружился новый исследовательский интерес к незакономерным – конечно, только на первый взгляд – восточнославянским отражениям **telt*, причем для обеих статей, в которых обсуждается эта проблема, импульсом послужили новые возможности для анализа рассмотренных ранее А.А. Шахматовым лексических (этимологических) гнёзд: **telp* (// **tɔlp* / **tɔlp*) и **selp* (Илиади 2014; Куркина 2018). Нельзя не согласиться с А.И. Илиади, который отмечает, что среди слов, историю которых исследует А.А. Шахматов, «есть ряд таких, которые и сейчас, спустя сто с лишним лет, еще нуждаются в этимологическом освещении» (Илиади 2014, 111). При этом автор, подробно освещая этимологию и семантику этимологических гнёзд **telp*, **selp* и генетически (или семантически) связанных с ними корневых континуантов, обращает далее внимание ещё на 5 лексем, относящихся «к той немногочисленной группе слов, которые демонстрируют вост.-слав. отражение группофонемы *telt* не в виде ожидаемого 'классического' *tolot*, как в *молоко* < **melko*, а в виде *telet*», а именно: **belbень* (> укр. диал. *бэлебень* 'возвышенное и открытое место'), **čelnъ*, **čelnъkъ* (> рус. диал.

⁵ На «*čisto umelou konštrukciou*» фортунатовско-шахматовских построений внимание уже было обращено (см. Peciar 1952, 65).

челенó ‘звено брёвен в плоту’, *чѣлень* ‘количество паёв в поле’, укр. диал. *челенок* ‘в пальце: кость, сустав’), **želsti* (> рус. *желести* ‘платить, искупать вину’), **želd-* (> рус. *ожеледица*, укр. *óжелѣдь*, *ожелѣда* ‘гололедица’), наконец, **telmenъ* при укр. *телемень* – название притоков нескольких рек⁶.

Между тем, как бы ни была немногочисленна группа слов, о которой пишет кировоградский лингвист, она, как показывает материал (обще/пра)славянских словарей (ЭССЯ; SP; Derksen 2008) и этимологических словарей отдельных славянских языков, может быть дополнена.

1. Номинации с однородным развитием **telt*: рефлекс *-еле-*.

1.1. **belna* / **belnъ* ‘белена; паслѣн’⁷, хотя ряд этимологических словарей предполагает уже **belena*, например, (ЭССЯ I, 185), с чем можно согласиться, но только при условии, что имеется в виду позднепраславянский период с уже отчетливой диалектной дифференциацией праславянского. Вероятно, именно так следует понимать **belena* в (БЕР I, 59), где для подтверждения праславянской реконструкции приводятся восточнославянские лексемы рус. *беленá* и укр. *белѣна*. Однако ЭССЯ в соответствующей статье даёт параллельные реконструкции **belnъ* / **belena*⁸, которые «отражают древнее наличие двух праслав. вариантов данного слова», что иллюстрируется, кроме др.-рус., рус. и рус. диал., также сербохорв. (черногор.) *белѣна* (единичная фиксация с пометой «покр.[а]јинска реч») в РСА I, 439), словц. *belian* и некоторыми «примыкающими» номинациями.

Не вдаваясь в дискуссию относительно корректности привлечения этих лексем, а именно их диалектного статуса и словообразовательной структуры, которая может отражать «народную» этимологию (а именно связь с **běl-*), см., в частности, (SP I, 202⁹), заметим, что реконструкции **belna* в ЕСУМ и её корреляты **belnъ* в ЭССЯ с полногласным развитием *-еле-* в восточнославянских языках¹⁰, конечно, столь же естественны, как и иные, упомянутые выше (см. также: Шевельов 2002, 127 (реконструирует прасл. **b₂aln-*); Аникин 2007–, III, 67–68).

1.2. **melnъ* / **melnъ* / **melna*: ст.-рус. *мелень*, рус. (арх., волог., новг., пск., смол.) *мѣлен*, *мѣлена*, *мелѣн*, *мѣлин*, *мѣлень* ‘рукоятка (ручка) жернова и под.; жернов; мельница’ (ЭССЯ XVIII, 89; СРНГ XVIII, 97; НОС, 550; СРГРС VII, 274; ПОС XVIII, 127), сюда же волог. *мѣленка* ‘деревянный запор в виде вертушки’ (СВГ IV, 80), укр. *милін*, (центр./вост.-) полес. (= бел. и укр. диал.) *мелѣн*, *милѣн*, *мельйóн* ‘рукоятка (ручка, палка) у ручной мельницы, жернова’ (Никончук 1979,

⁶ В качестве иллюстраций приводятся только отдельные восточнославянские продолжения реконструированных праславяnskikh форм с минимальной семантической характеристикой; полностью см. (Илиади 2014, 116–117).

⁷ Приводятся только основные значения.

⁸ Ниже (I, 187) также **belnъ* с продолжением в ст.-польск. *bleń* ‘белена’, к которому можно добавить соответствующую полногласную форму с мягкой финалью – черниг. *бѣлень* ‘тж’ (ЕСУМ I, 165).

⁹ Здесь автором статьи Ф. Славским реконструированы **belnъ* и **b₂lnъ*.

¹⁰ Р. Дерксен, приводя в сильно редуцированном виде реконструкции и материал из ЭССЯ, в примечании к двум восточнославянским, но здесь исключительно русским номинациям с *-еле-*, вряд ли последовательно (но зато фактически повторяя суждение А.А. Шахматова столетней давности) замечает: «Ru. *belen-* cannot reflect **beln-*, which would regularly yield **bolon-*» (Derksen 2008, 36).

306), сюда же производные с суф. *-óx*, *-ópr*, *-óra*, *-ún*, *-úr*, *-úx* (Никончук 1979, 306), бел. диал. (берез., в.-двин., дауг., лудз., рос., сен., толоч.) *mélin*, *mélin*, *мялён* ‘рукоятка (ручка, палка) у ручной мельницы, жернова’ (ЭСБМ VII, 11, 140; Сл. ПЗБ III, 103–104).

Как и в предыдущем случае, ЭССЯ предлагает коррелятивную неполногласно-полногласную пару **melnъ* / **melenъ*, что, в принципе, неудивительно, так как обе статьи написаны О.Н. Трубачёвым. Однако необходимо отметить, что в случае **melenъ* иные славянские полногласные лексемы (генезис и статус которых может обсуждаться), кроме естественных восточнославянских, здесь отсутствуют.

ЭСБМ, ссылаясь на литературу по славяно(белорусско)-балтийским языковым связям (Э. Блесэ, А.А. Вержбовский, Ю.А. Лаучюте) видит в белорусских диалектных формах *mélin*, *mélin* балтизмы (с соответствующей территориальной привязкой к белорусско-литовскому/латвийскому пограничью, хотя эти лексемы и их варианты, как показывает привлечение иных источников, распространены всё-таки шире, а именно с диффузией в центральнобелорусские и полесские говоры), имея в виду фонетически близкие лит. *milinỹs* и лат. *miļens*¹¹ с аналогичной семантикой ручки / рукоятки жернова или ручной мельницы и под. Однако А.Е. Аникин совершенно справедливо отметил, что связь славянских лексем, восходящих, согласно ЭССЯ, к праславянской дублетной паре, с балтийскими фактами «может пониматься только как генетическая» (Аникин 2005, 220).

1.3. **želza* ‘железá (в разных значениях)’: рус. *железá*, яросл. *желéзо* ‘опухоль на теле’ при бел. *залóза*, укр. *зálóза* (СРНГ IX, 103, 107; ЭСБМ III, 292; ЕСУМ II, 229; Derksen, 557).

2. Номинации с неоднородным развитием **telt*: рефлексy *-еле-* / *-оло-*.

2.1. **melnyje* ‘смалывание на мельнице; помол; размол’:

а) редкие ст.-рус. *меление*, рус. *мельёнье*, ст.-бел. *меленье*, ст.-укр. *мелене* (ЭССЯ XVIII, 89–90; ГСБМ XVII, 316; СУМ XVI–XVII, 17, 101), сюда же дериват – рус. вят. *мельёнка* ‘хлебная мера на 1,5 пуда ржи’ (СРНГ XVIII, 97 по источнику 1887 г.);

б) вероятно, единичное¹², но всё-таки при двух фиксациях, рус. диал. (терск., ворон.) *молóнье* (СРНГ XVIII, 237). В ЭССЯ предполагается возможность реконструкции этих гапаксов «в некоторых случаях – в обновленной форме **mel-enъ*», что не представляется обязательным.

2.2. **melvo*:

а) ст.-рус. *мелево*, *меливо* ‘помол, процесс помола; зерно для помола’ (СлРЯ XI–XVII, 9, 78), рус. волог. *мéлево* ‘рукоятка жернова ручной мельницы’ (СВГ IV, 80; СРГК III, 218), ‘что мелется, будет молотиться или смолото; мука’ (Даль 1903–1909, II, 915), *мелевó* ‘всё, что привезено на мельницу для обмолота’ (Бурнашев 1843–1844, I, 392), арх. ‘помол’ (СРНГ XVIII, 95), пск. ‘что необходимо молотить’

¹¹ Наличие этого слова не подтверждается основными словарями латышского языка, о чём свидетельствует А.Е. Аникин, который предлагает учитывать в этом аспекте родственные или близкие по форме и семантике иные латышские лексемы (Аникин 2005, 220).

¹² Во всяком случае, отсутствует в базе Русского диалектного гизауруса (РДГ).

(ПОС XVIII, 127), укр. *мѣливо* ‘помол, зерно на помол; мука’ (ЕСУМ III, 505), бел. *мѣлива, мѣливо* ‘размол; зерно на размол; что будет молотья’ (ЭСБМ VII, 11);

б) по всей вероятности, единичное (также отсутствует в РДГ) рус. пск. *мóлово* ‘то, что молотят; то, что получается при молотье’ (СРНГ XVIII, 220; ПОС XVIII, 311 с пометой пуст.¹³; ЭССЯ XVIII, 93; все из одного источника – Картотеки ПОС). Хотя совершенно исключить предполагаемое ЭССЯ продолжение праславянской номинации с корнем **melv-* нельзя, статус очевидного уникализма всё-таки может свидетельствовать в пользу вторичного образования – от глагола *молотить*.

М. Фасмер предлагает для русской номинации с *-еле-* «праслав. **melivo*¹⁴, потому что **melvo* [...] дало бы в вост.-слав. **молово*» (Фасмер 1964–1973, II, 595); к этой этимологии присоединяется также ЭСБМ, а ЕСУМ, не реконструируя специально праславянский этимон, включает украинское *мѣливо* в этимологическое гнездо молоти.

3. Номинации с неоднородным развитием **telt-*: рефлексы *-еле-* / *-ело-* / *-оло-*.

3.1. **pelva* ‘мякина, полова; отходы при провеивании зерна, молотье¹⁵’:

а) ст.-рус. *пелева* (СлРЯ XI–XVII 14, 187), рус. диал. *пѣлева, пелѣва, пелевѧ, пѣлево* (СРНГ XXV, 321; СВГ VII, 23); подмоск. *пилѣва* (ОЛА 2019, 154: *p'i'leva*); не фиксируемое словарями укр. **пелева*, которое ЕСУМ (IV, 331) восстанавливает по производным *пелѣвня, пелѣвѣнь, пелѣвнѣк* ‘стайня, хлѣв; стодола’;

а¹) рус. диал. *пелѣва, пѣлѣва, пелѣвѧ, пилѣва* (СРНГ XXV, 321–322; НОС, 797; ОЛА 2019, 154: *p'el'ova, p'el'o'va, p'il'ova*);

б) рус. диал. (арх., волог.) *пелóва* (ОЛА 2019, 154: *p'e'lova*¹⁶), сюда же семантически связанные производные из источников, в которых не отмечены исходные формы: новг. *пелóвый* ‘(хлеб) мякинный, приготовленный из мякины’ (Даль 1903–1909, III, 68¹⁷; НОС, 798);

в) ст.-рус. *полова* (СлРЯ XI–XVII 16, 230–231), рус. *полóва*, диал. *полóва, пóлова, полова, половѧ* (СРНГ 29, 86), укр. *полóва*, ст.-бел. *полова* (ГСБМ XXVI, 169), бел. *палóва*¹⁸.

¹³ Т. е. Пустошкинский район, находящийся на юге Псковской области.

¹⁴ С очень сомнительным суффиксом для праславянского слова.

¹⁵ Приводятся только основные значения.

¹⁶ Фиксируется в следующих 6 пунктах сетки ОЛА: 543 (Вальгево. РФ, Архангельская обл., Пинежский р-н), 569 (Гавриловское. РФ, Архангельская обл., Каргопольский р-н), 587 (Плоское. РФ, Вологодская обл., Бабаевский р-н), 588 (Старина. РФ, Вологодская обл., Бабаевский р-н), 589 (Семеновская. РФ, Вологодская обл., Вытегорский р-н), 602 (Верхне-Ерогодский Починок. РФ, Вологодская обл., Великоустюгский р-н).

¹⁷ Здесь же производное *пелóвня* ‘мякинница, или сарай для мелкого скотского корма’.

¹⁸ Следует иметь в виду, что лексему в указанном значении необходимо отделять от весьма частотного омонима *палóва* с семантикой ‘половина, ½’. Наиболее полно номинация с исследуемыми значениями представлена в картографической экстраполяции диалектных форм в лексическом атласе белорусских народных говоров, см. (ЛАБНГ II, к. 238 «Мякіна», к. 243 «Адходы пры паланні»).

Первые три позиции с *-еле-* / *-ело-* представлены многочисленными фиксациями в ряде русских говоров, однако с выраженной концентрацией в сев.-рус.¹⁹, что особенно наглядно видно на карте № 62 **pelva* (ОЛА 2019); лексем с *-оло-* распространены повсеместно.

Этимологические словари для восточнославянских номинаций с *-оло-* предлагают прасл. **pelva* (Фасмер 1964–1973, III, 312; ЭСБМ VIII, 132; ЕСУМ IV, 496; ESJSt XI, 658; Derksen, 395). Для лексем с *-еле-* и его варианта *-el'o-* (*-elě-*) уже М. Фасмером реконструируется полногласный вариант для **pelva*, т. е. **peleva*; то же см. в ЭСБМ и ЕСУМ (IV, 331). Однако, как и в рассмотренном выше случае с парой **melnъ* / **melenъ*, в других группах славянских языков номинации с полногласными сочетаниями отсутствуют.

Иной взгляд на развитие полногласия с *-еле-* был предложен А.А. Шахматовым, который считал, что «пелевня [...] заменило форму половня под влиянием пелы, пельве в значении мякина» с опорой на запись в 1-й Новгородской летописи под 6636 (1128) годом: *пельми* тв. мн. (Шахматов 1915, 153)²⁰. Между тем, и сама идея, и привлечённая древнерусская номинация вызывают вопросы. Оригинальный текст, на который ссылается А.А. Шахматов, следующий:

Въ лѣто 6636 [1128][...] Въ се же лѣто лють вѣше: [...] ядяху люди листъ липовъ, кору березову, инни молицъ истълькъше, мятуще съ пельми и съ соломою (НПЛ 1950, 22²¹).

Этой же записью иллюстрирует лексему *пелы* с пометой «множ.» [естественное число] И.И. Срезневский (1893–1912, II, 894), приводя здесь же современные ему рус. диал. формы *пелы*, *пелева* 'мякина', *пелева* 'овсяные отруби' и укр. *полова*.

Таким образом, по Шахматову, *пелы*, *пельве* (здесь Gsg) относится к типу склонения на **-ī*, однако зафиксированная в НПЛ форма Ipl *пельми* этому противоречит, так как для этого типа склонения правильная падежная форма – *пельвами* (как буквами и под.). Помета «множ.» при *пелы* у Срезневского, скорее всего, означает Plt с семантикой собирательности и логично вводит номинацию либо в тип склонения на **a* с незафиксированным, но совершенно реальным др./ст.-рус. *пела*²² (здесь, однако, обычная форма Ipl *пелами*, а *пельми* может быть только результатом смешения с иными типами склонения), либо на **ī*, либо – после выравнивания парадигм (и это уже актуально для конца XIII в.) – на **ǫ*, что позволяет ещё и восстановить гипотетический Nsg **пель*. Но во всех случаях в парадигме будут отсутствовать формы с *-в-*, без которых идея контаминации (см.

¹⁹ В.И. Даль, однако, *пелёва* даёт с пометой «запад.» – западное.

²⁰ Здесь к месту отметить, что наименование рус. *пела* ед. (наряду с *пелева*, *полёва* и др.) ввёл в словарную статью *полова* своего этимологического словаря уже Н.В. Горяев (1896, 271), а А.Г. Преображенский (1910–1914, II, 33) в статью *пелá* – лексем с *-еле-*, *-elě-*, *-ело-*.

²¹ По мнению исследователя НПЛ Б.М. Клосса, эта часть летописи, до 1234 г., «писана двумя почерками конца XIII в.» (Клосс 1987, 246).

²² Ср. рус. диал. *пелá* с распространением, согласно (СРНГ 25, 321), по преимуществу в севернорусских говорах.

выше у Шахматова: «под влиянием *пелы*, *пелъве*»), по меньшей мере, малопродуктивна.

Ещё одну версию, но на иных теоретических основаниях, выдвинул В. Махек: «bylo tedy **pel-eu-*, což slovanština převedla k *a*-kmenům (podle **solma*, *sláma*, obě jsou pozůstatky po mláčení!; s tímž slovem má i stejnou intonaci, г. *polóva* jako *solóma*, takže ražený přízvuk nemusí být u *pelva* původní a nemusí tedy ukazovati na dlouhé *ě*)» (Machek 1957, 375).

Однако и это соображение не может быть принято без оговорок, так как базируется не на внутреннем фонетическом развитии праславянского дифтонгического сочетания в ряде славянских диалектов (что априори должно предполагаться при праславянских реконструкциях), а на аналогии²³ только части русских диалектных форм с сочетаниями иного типа.

Таким образом, очевидно, что как прасл. **pely* и **pelva*, так и их восточнославянские продолжения являются параллельными однокорневыми образованиями²⁴ с естественной для диалектов праславянского развитием организующего семантического центра: ‘солома’ → ‘отходы при молочении’ // ‘мякина’. Что же касается собственно фонетического аспекта, то представленный выше материал восточнославянских языков и их диалектов позволяет утверждать, что развитие **pelva* → *peleva* (с позднейшим *pe'lova* при переходе *e* > *o* в соответствующей позиции) является таким же естественным и регулярным, как и **pelva* → *polova*. Заметно менее частотной является модель восточнославянского полногласия типа **pelva* → *pelova*, в которой теоретически можно было бы предположить отвердение плавного в форме *pe'lova*²⁵, если бы этому не противоречила ареальная характеристика зафиксированных номинаций исключительно в севернорусских (архангельских и вологодских; сюда же новг. *пелóвый*) говорах, в которых группофонема «гласная переднего ряда между мягкими согласными» имеет, как правило, консервирующий, а не девиантный статус.

Итак, следует констатировать, что развитие полногласия в восточнославянских языках по модели **telt* > *telet* / *telot* является столь же закономерным и даже обычным, как и постулируемый до сих пор в литературе, особенно учебной²⁶, переход **telt* > *tolot*.

²³ Допустимость такого рода аналогии была предложена ещё ранее, см. (Torbiörnsson 1901, 48). Впоследствии о контаминации (= аналогии) в вокальной системе дифтонгических сочетаний с плавными подробно рассуждал украинский языковед В.А. Розов в докладе на I (Пражском, 1929 г.) съезде славистов (Розов 1932). Впрочем, как справедливо отмечал Ф.П. Филин (1962, 239), «аналогия сама по себе ещё не является доказательством».

²⁴ На это впервые совершенно определённо указала Л.В. Куркина (1973): «на ограниченной территории в качестве названия шелухи, мякины представлена синонимичная основа **pel-*, состоящая из корня в сочетании с различными суффиксами», в частности, *-n* и *-v*.

²⁵ Именно так можно трактовать процесс на упомянутой выше карте № 62 **pelva* в (ОЛА 2019), где сочетания *elo* и *elo* подаются одним знаком. Однако «читабельность» карты, на которой с использованием 42 отдельных знаков представлен весь славянский материал, при таком подходе всё-таки выше, чем ещё большее их дробление по не главному для этой карты основанию – качеству плавного.

²⁶ См. (Илиади 2014, 117) со ссылками на известные учебники по исторической грамматике (истории) русского языка Л.П. Якубинского, П.Я. Черных, В.В. Иванова. Любопытно, однако, что

В общем виде конечное преобразование **telt* > *tolot* историческая фонетика праславянского языка трактует следующим образом. Дифтонгическое сочетание *telt*, в котором последний согласный был твёрдым, в результате регрессивной ассимиляции к последующему твёрдому согласному перешло в *telt* с твёрдым *t*²⁷. Далее *l* воздействовал на предшествующий гласный *e*, который также получил лабиализацию и сдвинулся в задний ряд. В результате этой лабиовеляризации первоначальное *telt* изменилось в *tolt*; при этом возникающий после *l* глайд ассимилятивно получил *o*- окраску с дальнейшим его развитием в гласный полного образования: **telt* > **telt* > **tǎft* > **tǎfo* > *tolot*; см. (ОЛА 2019, 9).

Таким образом, ключевыми параметрами трансформации **telt* > *tolot* являются а) регрессивная ассимиляция и вызванная ею б) лабиовеляризация *l* > *l*. Однако переход **telt* > *telet* в эту схему никак не вписывается (исключая, разумеется, упомянутую выше модель типа **s^(l)elz^(l)ena* → **selezena*).

На второй момент, т. е. лабиовеляризацию плавного, обратил внимание А.И. Илиади. По его мнению,

причина [...] «незаконмерного» развития в восточнославянском слов с формулой *telt*, видимо, заключается в существовании древних ареальных вариантов произношения этой последовательности звуков. Это значит, что в некоторых позднеславянских диалектах, что стали основой будущих древнерусских говоров, не было, как в других, лабиовеляризации плавного *l*, потому *telt* здесь изменилось в *telet*, а не *tolot* или *telot*²⁸ (Илиади 2014, 117).

Вместе с тем, есть основания вновь оценить и первую позицию, связанную с изменением *telt*, а именно процесс регрессивной ассимиляции плавного к последующему твёрдому согласному. Необходимо считаться с тем, что в отдельных случаях направление влияния в сочетании **telt* было, как показывает приведённый выше материал, прогрессивным (впрочем, возможно, и не всегда вполне последовательно): мягкий начальный консонант способствовал сохранению *e* с последующим влиянием на качество *l*, в результате чего возникающий после *l* глайд также был переднерядным, нелабиальным. Развитие **telt* получило следующую последовательность, которую следует охарактеризовать как закономерную: **telt* > **teft* > **tefe* > *telet*²⁹; подробнее см. (ОЛА 2019, 9).

в некоторых новых учебниках, например, (Колесов 2008, 56–61) вопрос о полногласной трансформации **telt* просто опускается.

²⁷ Н.Н. Дурново в вышедшем в 1924 г. «Очерке истории русского языка» видел это несколько иначе – без процесса ассимиляции, ср.: «Очевидно, согласная *l* в этих сочетаниях уже тогда [т. е. в позднеславянскую эпоху. – Н.А.] звучала очень твердо. Следовательно, изменение *e*, *ь* в *o*, *ъ* в таких сочетаниях указывает на более раннее общерусское изменение *l* среднего в *l* велярно-зубное перед согласными, независимо от качества следующего согласного звука, т. е. не только перед твердыми, но и перед мягкими» (Дурново 2000, 144).

²⁸ Полагаю, что здесь имеются в виду сочетания с начальными шипящими *š*, *š'* и аффрикатой *č*'.

²⁹ Идея высказана П.Е. Грищенко во время обсуждения редакционной коллегией соответствующей части «Введения» в (ОЛА 2019). Однако на принципиальную возможность смягчения плавного «по

Возможные механизмы фонетического процесса **telt > telet / telot* можно представить в следующем виде (на примере **pelva*):

1. Прогрессивная ассимиляция (невеляризованный *l*):

**pelva* → *p^ʳel^ʷva* → *peleva*.

2. Прогрессивная ассимиляция (веляризованный *l*):

**pelva* → *p^ʳeļva* → *p^ʳel^ʷva* → *pelova*.

Во втором случае прогрессивная ассимиляция способствует консервации *e* в первом слоге полногласного сочетания.

Оценивая картину распространения в восточнославянских диалектах полногласных сочетаний с *-еле-* / *-ело-*, следует в целом поддержать мнение А.И. Илиади о преимущественно периферийном (и таким образом, сугубо консервирующем) характере «древнего диалектного варьирования *telt : telet / telot*» (Илиади 2014, 117), но только по отношению к русским диалектным континуантам с явным тяготением к севернорусским говорам. Ареальная же картина украинских и белорусских соответствий такой периферийности в пределах восточной Славии всё-таки не подтверждает, что может быть следствием действия факторов иного рода, дескрипция и анализ которых может быть предметом отдельного исследования.

Сокращения

арх. – архангельский; бел. – белорусский; берез. – березинский; в.-двин. – верхнедвинский; волог. – вологодский; ворон. – воронежский; вост.-полес. – восточнополесский; вост.-слав. – восточнославянский; вят. – вятский; дауг. – даугавпилский; диал. – диалектный; др.-рус. – древнерусский; лат. – латышский; лит. – литовский; лудз. – лудзенский; новг. – новгородский; подмоск. – подмосковный; прасл., праслав. – праславянский; рус. – русский; рос. – россонский; сев.-рус. – севернорусский; сен. – сненненский; сербохорв. – сербскохорватский; ст.-бел. – старобелорусский; ст.-польск. – старопольский; ст.-рус. – старорусский; ст.-укр. – староукраинский; терск. – терский; толоч. – толочинский; укр. – украинский; центр.-полес. – центральнополесский; черниг. – черниговский; черногор. – черногорский; юж. – южный; яросл. – ярославский.

Литература

- Аникин А.Е. [Anikin A.E.] (2005), *Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке* [*Opyt slovarya leksicheskikh baltizmov v russskom yazyke*], Новосибирск.
- Аникин А.Е. [Anikin A.E.] (2007–), *Русский этимологический словарь* [*Russkij étimologičeskij slovarj*], вып. I–, Москва.
- БЕР, *Български етимологичен речник* [*Bŭlgarski etimologičen rechnik*], т. I–, София, 1962–.
- Бурнашев В.П. [Burnashev V.P.] (1843–1844), *Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного* [*Opyt terminologičeskogo slovarya selskogo chozyajstva, fabrichnosti, promyslov i byta narodnogo*], т. I–II, С.-Петербург.

принципу прогрессивной ассимиляции» (в отношении *tert*, которое реализовалось в **berǵь > *ber'ǵь > береǵь*) уже указывалось, см. (Филин 1962, 253).

- Горяев Н.В. [Goryaev N.V.] (1896), *Сравнительный этимологический словарь русского языка* [*Sravnitelnyj etimologicheskij slovarj russkogo yazyka*], Тифлис.
- ГСБМ, *Гістарычны слоўнік беларускай мовы* [*Histrychny sloŭnik belaruskaj movy*], вып. I–XXXVII, Мінск, 1982–2017.
- Даль В.И. [Dal V.I.] (1903–1909), *Толковый словарь живого великорусского языка* [*Tolkovuj slovarj zhivogo velikoruskogo yazyka*], т. I–IV, 3-е изд., С.-Петербург – Москва.
- Дурново Н.Н. [Durnovo N.N.] (2000), *Очерк истории русского языка* [*Oчерk istorii russkogo yazyka*], [в:] *Избранные работы по истории русского языка*, Москва.
- ЕСУМ, *Этимологічний словник української мови* [*Etymologichnij slovnyk ukrajynskoyi movy*], т. I–VI, Київ 1982–2012.
- Илиади А.И. [Iliadi A.I.] (2014), *Этимологический комментарий к нескольким славянским изоглоссам в труде А.А. Шахматова «К истории звуков русского языка»* [*Ėtimologicheskij kommentarij k neskolkim slavyanskim izoglossam v trude A.A. Shahmatova «K istorii zvukov russkogo yazyka»*], [в:] *Типологія мовних значень у діакронічному та зіставному аспектах*: зб. наук. праць, вип. XXIX, Вінниця, с. 111–120.
- Клосс Б.М. [Kloss B.M.] (1987), *Летопись Новгородская первая* [*Letopisj Novgorodskaya pervaya*], [в:] *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. I: XI – первая половина XIV в., Ленинград, с. 245–247.
- Колесов В.В. [Kolesov V.V.] (2008), *Историческая грамматика русского языка* [*Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*], С.-Петербург.
- Куркина Л.В. [Kurkina L.V.] (1973), *Славянские этимологии: <...> *pel- / *pelv-* [*Slavyanskie etimologii: <...> *pel- / *pelv-*], „Этимология”, 1971, с. 91–92.
- Куркина Л.В. [Kurkina L.V.] (2018), *К реконструкции этимологического гнезда с основой *telp-* [*K rekonstrukcii etimologicheskogo gnezda s osnovoj *telp-*], [в:] *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*, вып. XVIII: *Этимология*, Москва, с. 131–142.
- ЛАБНГ, *Лексічны атлас беларускіх народных гаворак* [*Leksichny atlas belaruskich narodnyh gavorak*], т. I–V, Мінск 1993–1998.
- Лавровский П.А. [Lavrovskij P.A.] (1858), *О русском полногласии* [*O russkom polnoglasii*], [в:] *Известия Императорской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности*, т. VII, вып. 5, С.-Петербург, с. 193–240.
- Максимович М.А. [Maksimovich M.A.] (1839), *История древней русской словесности* [*Istoriya drevnej russkoj slovesnosti*], кн. I, Киев, с. 133–140.
- Максимович М.А. [Maksimovich M.A.] (1848), *Начатки русской филологии* [*Nachatki russkoj filologii*], кн. I, Киев.
- Никончук М.В. [Nykonchuk M.V.] (1979), *Матеріали до лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся)* [*Materialy do leksychnogo atlasu ukrajynskoyi movy (Pravoberezhne Polissya)*], Київ.
- НПЛ, *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов* [*Novgorodskaya pervaya letopisj starshego i mladshego izvodov*], Москва – Ленинград, 1950.
- НОС, *Новгородский областной словарь* [*Novgorodskij oblastnoj slovarj*], С.-Петербург, 2010.
- Потебня А.А. [Potebnya A.A.] (1876), *К истории звуков русского языка* [*K istorii zvukov russkogo yazyka*], Воронеж.
- ОЛА (2019), *Slovanský jazykový atlas. Foneticko-gramatická série, svazek 9, Reflexy *tort, *tolt, *tert, *telt, *ort, *olt*, Praha.

- Преображенский А.Г. [Preobrazhenskij A.G.] (1910–1914), *Этимологический словарь русского языка* [*Ėtimologicheskij slovarj russkogo yazyka*], т. I–II, Москва.
- ПОС, *Псковский областной словарь с историческими данными* [*Pskovskij oblastnoj slovar s istoricheskimi dannymi*], вып. I–, Ленинград – С.-Петербург, 1967–.
- Розов В. [Rozov V.] (1932), *Еще о формулах tort, tolt, tert, telt* [*Eshche o formulah tort, tolt, tert, telt*], *Sbornik prací I. sjezdu slovanských filologů v Praze 1929*, sv. II: *Přednáški*, Praha, s. 668–695.
- РСА, *Речник српскохрватског књижевног и народног језика* [*Rechnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika*], књ. I–, Београд, 1959–.
- СВГ, *Словарь вологодских говоров* [*Slovarj vologodskih govorov*], вып. I–XII, Вологда 1983–2007.
- Скляренко В.Г. [Sklyarenko V.G.] (2007), *Повноголосся* [*Povnogolossya*], [в:] *Українська мова. Енциклопедія*, вид. 3, Київ, с. 516.
- Сл. ПЗБ, *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча* [*Sloŭnik belaruskich gavorak rajnochna-zahodnyaj Belarusi i yae pagranichcha*], т. I–V, Мінск 1979–1982.
- СЛРЯ XI–XVII, *Словарь русского языка XI–XVII вв.* [*Slovarj russkogo yazyka XI–XVII vv.*], т. I–, Москва 1975–.
- СРГК, *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* [*Slovarj russkikh govorov Karelii i sopredelnyh oblastej*], вып. I–VI, С.-Петербург 1994–2005.
- СРГРС, *Словарь говоров Русского Севера* [*Slovarj govorov Russkogo Severa*], т. I–, Екатеринбург 2001–.
- Срезневский И.И. [Sreznevskij I.I.] (1893–1912), *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам* [*Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamjatnikam*], т. I–III, С.-Петербург.
- СРНГ, *Словарь русских народных говоров* [*Slovar russkikh narodnyx govorov*], вып. I–, Ленинград – Москва – С.-Петербург, 1965–.
- СУМ XVI–XVII, *Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.* [*Slovnuk ukrajinskoj mowy XVI – pershoj polovyny XVII st.*], вип. 1–, Львів, 1994–.
- Фасмер М. [Fasmer M.] (1964–1973), *Этимологический словарь русского языка* [*Ėtimologicheskij slovarj russkogo yazyka*], т. I–IV, Москва.
- Филин Ф.П. [Filin F.P.] (1962), *Образование языка восточных славян* [*Obrazovanie yazyka vostochnykh slavyan*], Москва.
- Шахматов А.А. [Shahmatov A.A.] (1902), *К истории звуков русского языка. II. Первое и второе полногласие* [*K istorii zvukov russkogo yazyka. II. Pervoe i vtoroe polnoglasie*], „Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности”, т. VII, кн. 2, с. 303–382.
- Шахматов А.А. [Shahmatov A.A.] (1903), *К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях* [*K istorii zvukov russkogo yazyka. O polnoglasii i nekotoryh drugih yavleniyah*], С.-Петербург.
- Шахматов А.А. [Shahmatov A.A.] (1915), *Очерк древнейшего периода истории русского языка* [*Ocherk drevnejshego perioda istorii russkogo yazyka*], Петроград.
- Шевельов Ю. [Shevelov Yu.] (2002), *Исторична фонологія української мови* [*Istoricna fonologiya ukrajinskoj movi*], Харків.

- Шерцль В.И. [Shercl V.I.] (1871), *Сравнительная грамматика славянских и других родственных языков* [*Sravnitel'naya grammatika slavyanskih i drugih rodstvennyh yazykov*], ч. 1: *Фонетика*, Харьков.
- ЭСБМ, *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* [*Étymalagichny sloŭnik belaruskaj movy*], т. I–, Мінск 1978–.
- ЭССЯ, *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд* [*Étimologičeskij slovarj slavyanskih yazykov. Praslavyanskij leksičeskij fond*], вып. I–, Москва 1974–.
- Derksen R. (2008), *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*, Leiden – Boston.
- ESJSt, *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*, sv. 1–19, Praha 1989–2018.
- Machek V. (1957), *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, Praha.
- Peciar Š. (1952), *Kritický prehľad prác o tzv. metatéze likvid, [в:] Jazykovedný sborník Slovenskej akademii vied a umení*, VI, Bratislava.+56+SP, *Słownik prasłowiański*, t. I–, Wrocław 1974–.
- Torbiörnsson T. (1901), *Die gemeinlavische Liquidametathese*, I, Uppsala.